

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф

Яков Моисеевич МИРКИН

доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом международных рынков капитала

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, ул. Профсоюзная,

д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: yakov.mirkin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2507-9811

ЦИТИРОВАНИЕ: Миркин Я.М. (2020) Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 4. С. 97–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Статья поступила в редакцию 01.07.2020.

АННОТАЦИЯ. Дана характеристика сверхволатильной «экономики катастроф», в которой растет число шоков, вызванных природными и техногенными бедствиями. Раскрыты факторы формирования такой экономики на глобальном уровне. Сделан обзор дискуссий о будущем мира (экономика, финансы) после пандемии 2020 г. Прогнозируются новые долгосрочные тренды, возникающие в такой экономике, и связанные с ними глубокие изменения в экономических и финансовых структурах мира и Запада. В число таких трендов входят: автономизация домашних хозяйств и, соответственно, изменение их спроса (рост запасов, резервов, снижение спроса на аренду активов, большие стремления к личной собственности, к приобретению оборудования и технологий, обеспечение автономизацию, развитие домашних офисов и переход к другой модели жизни, а именно «больше дома - меньше офиса»); цифровизация до-

машиных хозяйств; все большая индивидуализация спроса на продукты и услуги; деагломерация («одно-двухэтажная страна»); рост мобильности; увеличение спроса на товары и услуги, связанные с защитой жизни и здоровья. Раскрыты в деталях глобальные тренды в экономическом/финансовом поведении стран: протекционизм; дирижизм; политика государства «экономика на аппарате искусственного дыхания»; изменения в экономической идеологии, в ее «мэйнстриме»; неизбежное появление концепции «экономической жертвы»; рост волатильности мировой экономики и глобальных финансов. В частности, впереди – разработка идеологии «экономики страха», демонстрация нового баланса между коллективизмом и индивидуализмом, переоценка моделей капитализма, существующих в разных странах, идеологическая революция в глобальных финансах. Показаны возможности неблагоприятного сценария в мировой экономике и

жесткий вызов, на который еще нужно ответить: впереди развитие или деструкция?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *глобальные финансы, мировая экономика, мир после пандемии, природные бедствия, риски, структурные изменения, экономика катастроф*

В последние годы крупные катастрофы стали одним из факторов, заметно влияющих на мировую экономику и глобальные финансы. Стали формироваться представления о том, что это не уникальные, разовые «черные лебеди», а постоянные явления, включенные в повседневную жизнь обществ и формирующие ее в числе других факторов. Особенно ярко это показала пандемия, создавшая в первом полугодии 2020 г. необычный, непривычный «порядок вещей» в мире.

В этой связи объектом исследования являются изменения, которые могут сложиться в мировой экономике и глобальных финансах под воздействием последовательно возникающих крупных катастроф и бедствий, которые становятся еще одной «нормальностью».

В центр статьи поставлены следующие проблемы: 1) возможно ли предположить, что в мире складывается «экономика катастроф», в которой последние являются включенным элементом, вызывающим крупнейшие структурные изменения; 2) какими могут быть структурные изменения / длительные, масштабные тренды в мировой экономике и глобальных финансах, если это предположение окажется правильным.

Статья сформирована как прогноз, предвидение, многие факты/тренды только формируются, они еще не полностью проявили себя во времени. Сделан акцент на самых ярких, в них только предстоит еще утвердиться, уложить их в системные представления об архитектуре экономики и финансов мира.

Все это обязательно будет осуще-ствлено в будущих исследованиях.

Сегодня же важно выхватить, хотя бы перечислить наиболее крупные структурные изменения, вызванные «экономикой катастроф», и обосновать их с точки зрения причинно-следственных связей, которые формируют их или могут сформировать.

«Катастрофическая» среда экономики

Растет число шоков в мировой экономике, вызванных масштабными катастрофами (природными или появившимися «под человеческим воздействием»).

Эти катастрофы – не вполне «черные лебеди». Они отчасти поддаются предвидению¹. Можно оценить границы, в пределах которых будет колебаться количество катастроф (табл. 1). Со временем можно будет статистически оценить вероятности шоков, по масштабам последствий адекватных пандемии 2020 г. Уже сейчас делаются такие попытки. По расчетам Deutsche Bank (июнь 2020 г.), – вероятность 1 к 3, что в течение следующих 10 лет произойдет один из следующих шоков: пандемия (число смертей – более чем 2 млн человек), вулканическое извержение, имеющее глобальные катастро-

1 «Катастрофы и бедствия» (понятие, часто используемое в международной аналитике) объединено в статье термином «катастрофа». Взяты определения, используемые для их учета в университетской базе данных EM-DAT, CRED / UCLouvain, Brussels, Belgium): www.emdat.be.

фические последствия, сверхмощная вспышка на солнце, глобальная война [Reid, Templeman, Allen 2020].

Статистика крупных бедствий и катастроф (табл. 1) ведется с 1900 г. В первые десятилетия такие случаи единичны (что, по оценке, связано с утратой со временем информации, ее публичной недоступностью, локальностью наблюдений).

В этой связи табл. 1 содержит данные с 1961 г. Даже если по тем же соображениям (потеря части информации) вести отчет с начала 1980-х гг. (более-менее полный объем глобальных наблюдений), то видны: 1) нарастание числа событий (крупных бедствий и катастроф) с максимумами в ± 5 лет

вокруг 2000 г.; 2) ежегодное число таких событий в последние четверть века колеблется в пределах 500–800. Число природных катастроф (вода, воздух, огонь) выросло в 1980–2019 гг. в 4 раза [Facts + Statistics 2020].

Размеры застрахованных экономических потерь от катастроф и бедствий, как природных, так и вызванных человеческим воздействием, выросли в 1980-х – 2019 гг. примерно в 8 раз (в среднем за год, в ценах 2019 г.) [Global Catastrophes 2019].

Все это показывает, что мировая экономика находится под постоянными, растущими рисками «черных лебедей» («черных» – для тех, кто не пытается их наблюдать, не считают их рис-

Таблица 1. Динамика значимых катастроф и бедствий, единиц
Table 1. Dynamics of Significant Disasters and Disasters, Units

Годы	Геофизические	Климатологические	Гидрологические	Метеорологические	Эпидемиологические	Техногенные	Всего событий
1961–1965	31	26	77	93	11	42	280
1966–1970	72	47	130	130	28	63	470
1971–1975	36	29	116	134	6	114	435
1976–1980	110	79	206	191	49	186	821
1981–1985	110	97	292	284	43	267	1093
1986–1990	133	83	358	415	91	845	1925
1991–1995	166	87	469	452	109	924	2207
1996–2000	152	185	664	519	372	1303	3195
2001–2005	198	161	900	685	311	1748	4003
2006–2010	151	122	1046	575	204	1303	3401
2011–2015	159	128	813	609	108	1032	2849
2016–2020 (июнь)	124	104	741	512	110	725	2316

Источник: Расчеты автора на основе базы данных EM-DAT, CRED / UCLouvain, Brussels, Belgium // www.emdat.be (D. Guha-Sapir). Version: 2020-06-15 (University of Louvain, Centre for Research on the Epidemiology of Disasters (CRED), The International Disaster Database).

Примечание: Геофизические – землетрясения, вулканические извержения, цунами, оползни, обрушения; гидрологические – наводнения, оползни берегов; климатологические – природные пожары, засухи; метеорологические – штормы, периоды экстремальной жары / холода, торнадо, ураганы, град; эпидемиологические – бактериальные и вирусные эпидемии, пандемии; техногенные – взрывы, пожары, крушения, авиакатастрофы, разрушения мостов и других конструкций и т. п.

ки). Системно значимые события глобального масштаба, обладающие особенной силой влияния, происходят, по оценке, не менее чем 2–3 раза в десятилетие (без учета войн).

Причины роста рисков катастроф. Одной из причин обычно считается **глобальное потепление**. С доиндустриального периода (1850–1900 гг.) до настоящих дней температура приземного воздуха выросла на 2 градуса [2020 Intergovernmental Panel 2020, p. 8]. Экспансия в использовании земли для производства продовольствия (с 1961 г. его поставки на душу населения увеличились на 1/3) привела к росту эмиссии парниковых газов, потере природных экосистем, сокращению биологического разнообразия. Около 1/4 площади земли, свободной от льда, подвержена деградации, вызванной человеческим факто-

ром. В 1961–2013 гг. площадь земель, подверженных засухам, росла со скоростью чуть больше 1% в год [2020 Intergovernmental Panel 2020, p. 7]. Происходят глобальное опустынивание, эрозия почвы. Увеличились частота и интенсивность экстремальных природных событий (в т. ч. пожары, волны высоких температур, ливневые дожди и т. п.) [2020 Intergovernmental Panel 2020, pp. 9, 17]. Смещаются климатические зоны. Изменились максимумы и минимумы температур. В связи с подъемом уровня вод будут затопляться берега. Увеличились экономические потери от природных бедствий [Field et al. 2012, pp. 7, 16]. Возрастает волатильность климатических условий.

Значительный рост климатических рисков отмечается в США [Melillo, Richmond, Yohe 2014]. «По данным Росгидромета, за период 1990–2000 гг. на тер-

Таблица 2. Динамика роста заявок на патенты
Table 2. Dynamics of Growth of Patent Applications

Годы	Число заявок на патенты, поданных резидентами, тыс. ед.			Число заявок на патенты, поданных нерезидентами, тыс. ед.		
	Мир	В том числе		Мир	В том числе	
		США	Китай		США	Китай
1985	456,0	63,7	4,1	229,8	51,6	4,5
1990	541,4	90,6	5,8	243,6	80,5	4,3
1995	664,3	124,0	10,0	309,0	104,2	8,7
2000	823,1	164,8	25,3	447,4	131,1	26,6
2005	965,5	207,9	93,5	592,4	182,9	79,8
2010	1160,9	242,0	293,1	674,5	248,2	98,1
2015	1864,2	288,3	968,3	820,2	301,1	133,6
2018	2294,8	285,1	1393,8	845,4	312,0	148,2
Рост, 1985–2018, раз	5	4,5	340	3,7	6	33

Источник: Расчеты автора на основе базы данных data.worldbank.org на 15.06.2020, основанной в этом разделе на базе World Intellectual Property Organization (WIPO), WIPO Patent Report: Statistics on Worldwide Patent Activity.

ритории России ежегодно фиксировалось 150–200 нанесших ущерб опасных гидрометеорологических явлений (ОЯ). В последующие годы их число возросло до 250–300 в год, а начиная с 2007. в среднем один раз в два года число таких ОЯ превышало 400. При этом ОЯ, наблюдаемые в течение двух последних десятилетий, оказались более интенсивными и разрушительными, чем когда-либо» [Доклад о климатических рисках 2017, с. 4–5].

Еще одна причина – **рост по экспоненте инноваций** (табл. 2), в свою очередь неизбежно увеличивающих риски и волатильность «бытия» мира. В 1985–2018 гг. число заявок на патенты, поданных резидентами (т. е. теми, кто проживает в соответствующих странах), выросло в 5 раз, в США – в 4,5 раза, в Китае – в 340 раз (эффект низкой базы, по количеству патентов почти в 5 раз опередил США) (табл. 2). Примерно такая же картина – в динамике патентов, поданных нерезидентами. Их рост в мире – в 3,7 раза, в США – в 6 раз, в Китае – в 33 раза (табл. 2).

Сегмент «инноваций» в экономике всегда несет более высокие риски, чем традиционные отрасли (технологические риски выше, абсолютное большинство бизнесов быстро разрушаются, выживают немногие, высокие темпы и колебания роста, этот сегмент обслуживается самой рискованной частью финансов – бизнес-ангелы, венчурное финансирование, компании частного капитала (private equity) и хедж-фонды, как правило, возникают, мыльные пузыри на финансовых рынках и т. п.). Экономики, насыщенные инновациями, особо подвержены всем видам рисков, высоким колебаниям, тем более что постепенно накапливается потенциал перехода к тому, что процесс инноваций может стать неуправляемым, не понимаемым коллективным человеком.

В меру такого перехода могут расти число и масштабы техногенных катастроф.

«Экономика катастроф»

Рост в последние десятилетия системно значимых катастроф и бедствий, затрагивающих сами основы человеческого существования или приносящих материальный ущерб до 10–15% ВВП (а в будущем, возможно, и выше), их «вплетенность» в жизнь, активность и постоянство присутствия как то, что составляет часть жизни общества, создает новую реальность – «экономике катастроф» или, как синоним, «экономике страха».

Это не только сильная метафора, пытающаяся уловить суть новых явлений.

«Экономика катастроф» – это экономика, существующая в условиях повышенных рисков системно значимых катастроф, ограничивающих ресурсы, которыми она располагает, глубоко влияющих на ее структуру (спрос и предложение, производство, распределение и потребление, ресурсы и технологии), вызывающих необходимость создания долговременных резервов, которые в значительной мере покрывали бы ущерб от катастроф и обеспечивали бы жизнедеятельность общества в моменты катастроф.

«Экономика катастроф», насыщенная рисками неблагоприятных изменений, должна быть схожа, пусть и в умеренной степени, с **военной или поствоенной экономикой**.

«Экономика страха» будет использоваться как синоним «экономики катастроф». Тем не менее она может рассматриваться как отдельное явление, основываясь на следующем определении.

«Экономика страха» – экономика, в которой на поведение субъектов существенно влияет страх системно значи-

мых катастроф (акцент на поведенческие аспекты).

Черты «экономики катастроф» / «экономики страха» будут проявляться глобально, в любых моделях экономик (англосаксонской, континентальной, азиатской (развитых стран), китайской, латиноамериканской, схожей с ней российской и т. п.).

Воздействие катастроф: пандемия 2020 г. как бенчмарк

Пандемия 2020 г. – пока самый острый шок XXI века. Глубоко изменила массовое поведение людей в экономике (в объемах и структуре спроса и предложения), вызвала де-факто замораживание деятельности целых отраслей. Повсеместно привела к тяжелейшим сокращениям в национальных хозяйствах. Падение ВВП во II квартале 2020 г. в США – на 32,9% (год к году) (U.S.BEA), в еврозоне – на 12,1% (Eurostat), в Японии – на 10% (CEIC), в России – на 8,5% (Росстат), в Китае в I квартале 2020 г. – на 6,8% (Bloomberg).

Глубина воздействия пандемии, ее длительность (еще летом 2020 г. никто не мог сказать, когда она закончится), необычность условий, в которые попала значительная часть населения (длительный карантин, «затворничество»), создают прецедент, бенчмарк для того, чтобы понять, куда «развернет» человечество в случае, если будут и дальше нарастать частота и размеры системно значащих катастроф.

Пандемия 2020 г. (если она закончится этим годом) должна оставить

глубокий, многолетний след в экономическом поведении людей. Ныне живущие поколения никогда не попадали в условия таких масштабных ограничений, внезапного прекращения деятельности целых отраслей хозяйства, личной беспомощности, когда от человека ничего или почти ничего не зависит.

В этой связи статья строится на анализе последствий шоков, вызванных именно пандемией 2020 г. Глубина воздействия этих шоков на коллективное поведение населения и экономики такова (показана выше), что, с высокой вероятностью, можно предположить, что это воздействие будет носить долговременный характер, надолго останется в «памяти» экономики / коллективного поведения людей.

Такой анализ легко развернуть в системные конструкции, включающие прогноз трансформаций, вызванных всеми видами катастроф.

Экономическое будущее: ожидания

Масса идей уже высказана по поводу будущего в «постпандемическом мире» (в среде, полной рисков катастроф). Вирус, контроль за его распространением станет частью экономического ландшафта [Susskind 2020, p. 27]. Deloitte предложил четыре 3–5-летних сценария в зависимости от того, насколько тяжелой будет пандемия [The World Remade 2020, pp. 3–27]².

Экономики будут искать новый баланс между глобализацией и национализмом, «самодостаточностью» и «глу-

2 «Проходящий шторм» (Passing Storm) – наиболее мягкий сценарий постепенной нормализации; «Отличная компания» (Good Company) – более жесткий сценарий, в котором правительства рассоединены, а в восстановлении нормы ключевую роль играют крупнейшие ТНК, подвигая экономики к капитализму стейкхолдеров (stakeholder capitalism); «Солнце всходит на востоке» (Sunrise in the East), предполагающий резкий сдвиг центров экономической силы на восток; наихудший сценарий – «Одинокие волки» (Lone Wolves), в котором страны в условиях жесточайшей эпидемии разобщены, предоставлены самим себе и борются в одиночку.

бокой взаимозависимостью», в частности, в том, чтобы предотвратить шоки от внезапного прекращения поставок из «мастерских мира» [Challenges and Opportunities 2020, p. 21; COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33]. Произойдет «регионализация цепочек поставок» [Susskind 2020, p. 27]. Проблемы мира будут те же, что и до пандемии, но выражены жестче, в более экстремальной форме [Susskind 2020, p. 27]. Прогнозируется резкое расширение «цифрового общества» в глобальном масштабе [Challenges and Opportunities 2020, p. 27]. Изменения в рабочих местах, резкое расширение дистанционной работы, до 1/3 рабочих мест, существовавших до пандемии, под угрозой сокращения [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 34]. Произойдет реструктуризация личного потребления [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33]. Будут формироваться механизмы трансферта рисков, адекватные размерам рисков катастроф (в частности, в страховой индустрии) [Challenges and Opportunities 2020, p. 41]. Предполагаются глубокие изменения в экономике городов, основанные на максимальном исключении физических контактов, на цифровизации, виртуализации и контроле за массовым поведением и эпидемиологической обстановкой [Challenges and Opportunities 2020, pp. 18–19], рост значимости крупнейших компаний (stakeholder capitalism) [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33], рост этатизма, падение доверия к механизмам свободного рынка как результат расширенного вмешательства государства во время пандемии [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 37]. Государства в экономике станут больше после того, как оно сыграло роль страховщика и инвестора последней инстанции. Впереди – «мыльный пузырь» государственного долга [Susskind 2020, p. 29].

Классификация трансформаций в «экономике катастроф»

В такой экономике будут происходить изменения:

- в структуре спроса и, соответственно, предложения, что, как следствие, будет менять структуру производства, воздействовать на технологии;
- в экономической (и не только) политике государств (глобализация – протекционизм, дирижизм, политика «экономика на аппарате искусственного дыхания» и др.);
- в экономической идеологии (в т. ч. концепция «экономической жертвы»);
- в том, что станет «новой нормальностью».

Именно в этой последовательности анализа трансформаций построена статья.

Изменения структуры спроса в «экономике катастроф», автономизация

«Экономика страха» выражается, прежде всего, в возникновении сильнейшего интереса домашних хозяйств к **автономизации**. В периоды катастроф, пандемий семьи в полной мере осознают свою зависимость от централизованных систем (электроэнергия, газ, тепло, вода, продовольствие, очистка и т. п.). Система жизнеобеспечения такой семьи – по сути, терминал, не способный даже короткое время существовать сам по себе.

Из автономизации неизбежно следуют **изменения структуры спроса домашних хозяйств**.

Рост переходящих запасов продовольствия, питьевой воды, медикаментов, предметов гигиены и т. п. в домаш-

них хозяйствах. «Не все можно купить» как вновь возникший стереотип массового сознания. Память о паническом спросе в первые дни пандемии останется надолго. Неизбежно массовое понимание того, что в будущем, при длительном воздействии шоков, могут возникнуть перебои в снабжении, как следствие – увеличение спроса на создание и обновление резервов первичных предметов потребления; образно говоря, эффект «курицы в холодильнике» как константа в экономике.

Точно такие же эффекты могут быть и в бизнесе (рост запасов материалов и комплектующих, страхующих от перебоев в поставках, которыми изобилует 2020 г.).

Сокращение спроса на аренду, особенно краткосрочную, и, соответственно, **его увеличение на имущество, находящееся в собственности, ослабление «экономики совместного пользования»** (sharing economy). «Ничего своего», главное – мобильность, все можно занять / взять в аренду, в т. ч. без посредников, – эта модель жизни, набиравшая обороты до 2020 г., станет гораздо менее привлекательной в массовом сознании.

И, наоборот, неизбежен **рост спроса на собственность** (если она не будет обременена избыточной налоговой нагрузкой):

- как на то, за что «не нужно платить» (денежные потоки во время шоков и доступ к ликвидности сжимаются);
- «свое» – это автономность (земля, жилье – укрытие, автомобиль – мобильность, солнечные батареи, артезианская скважина, печь и т. п. – независимость от централизованных систем, в которых в моменты шоков могут возникать перебои, свое приусадебное / дачное хозяйство – «как-нибудь прокормимся» и т. п.);

- «свое» – это минимизация контактов с другими людьми (что может быть особенно важно во время эпидемий и социальных шоков).

В бизнесе могут происходить схожие процессы – меньше аренды, больше собственности в земле, зданиях, офисах, оборудовании, системах жизнеобеспечения / инфраструктуре (если позволяют налоговые условия).

Увеличение спроса на товары и услуги, обеспечивающие автономизацию в моменты шоков:

- энергия, отопление (солнечные батареи, ветрогенераторы, печи на легкодоступном топливе, оборудованные хранилища, оборудование для автономизации водоснабжения и удаления отходов, средства терморегуляции и защиты дома от внешних воздействий, оборудование для сельскохозяйственных работ, средства для автономного передвижения, оружие и средства охраны и т. п.);

- обучение, любые искусства и умения, обеспечивающие более полную автономность и способность производить самые простые товары и оказывать услуги для прямого, без посредников, обмена с другими семьями.

Когда в изоляции семьи начинают сами печь хлеб – складывается другая реальность: **дауншифтинг** (downshifting) как массовый, а не исключительный способ поведения.

Еще один вероятный тренд – **деагломерация** – прекращение или замедление концентрации населения в крупнейших городских агломерациях. «Самоизоляция» показала:

- всю тяжесть длительного пребывания в ограниченных квартирных пространствах, в «человейниках»;
- все риски вспышек эпидемий в перегруженных населением городах; более 90% заражений COVID-19 –

- в городах [How COVID-19 Is Changing the World 2020, p. 54];
- всю ограниченность медицинской инфраструктуры;
 - особые масштабы экономических потерь в связи со сверхконцентрациями в крупнейших городах (Нью-Йорк, Лондон, Москва и др.) активов, финансовых ресурсов, рыночных властей.

Как следствие, ожидается **резкий рост спроса на отдельные дома и участки земли** («1–2-этажная страна») в пригородах / городах – спутниках крупнейших центров, в средних и малых поселениях, обеспечивающих «столичное» качество жизни.

Будет **увеличиваться спрос на более крупные квартиры, начнет сжиматься тренд к предложению все менее габаритных квартир** (до 15–20 кв. м), рассчитанных на модели жизни «переночевал – весь день в публичном пространстве (транспорт, офис, общепит, рекреация)» или «спутники – партнеры, нет детей, распад традиционной семьи из трех поколений, в основе которой – взаимопомощь».

Реструктуризация спроса на недвижимость, связанная с изменениями в модели наемного труда. Согласно опросу Guardian, только 13% хотят вернуться к пятидневке в офисе. Большинство хотят быть в офисе не более трех дней в неделю, остальное время – на дистанции при 100%-й загрузке [Only 13% of UK Working Parents 2020].

За этим трендом стоят снижение спроса на офисную недвижимость и, наоборот, увеличение спроса на более крупные жилищные пространства с домашними офисами, соответственно, крупная перестройка рынка недвижимости.

Пространственные изменения спроса. Неизбежно возникнет тренд, выражающийся в усилении миграции

и, соответственно, в **перемещении спроса и активов** (физических, денежных) и **финансовых потоков**: 1) в страны с более развитыми системами здравоохранения и защиты населения, показавшими, что они являются более надежными убежищами в периоды шоков; 2) между регионами внутри одной страны (в менее рискованные, более защищенные, более состоятельные, с более развитой системой здравоохранения и т. п.).

Тренд, связанный с автономизацией и деагломерацией, – рост массового спроса на более индивидуализированные продукты и услуги. До пандемии – обратный тренд, становление все более крупных систем обработки массовых запросов, при максимальном упрощении, сетевом характере предложения, стандартизации («одинаковость») и удешевлении (меньше ценности за более высокую цену) продуктов и услуг широкого потребления.

Автономизация может вызвать взрывной рост самостоятельности населения, его самозанятости. Цифровизация / электронные рынки дают возможность сжать посредничество, увеличить долю прямого обмена между производителем и потребителем, а в финансовой сфере – между инвестором и тем, кто предъявляет спрос на капитал (например, цифровые платформы, предоставляющие возможности кредитования друг друга или прямой торговли ценными бумагами, минуя финансовые институты).

«Продвинутая» цифровизация семьи и бизнеса – рост спроса на информационные и телекоммуникационные услуги, сокращающие необходимость в физических контактах людей. Этот рост был взрывным в первые недели пандемии 2020 г., а затем должен нормализоваться на значительно более высоком уровне, чем до нее (интернет-доставка, онлайн-образование,

онлайн-банкинг, консалтинг и другие услуги, виртуальный офис, работа на дистанции, интернет-развлечения).

Одновременно **останется более низким, чем до 2020 г., спрос на любые услуги, связанные с массовыми собраниями людей** (офлайн-торговля, публичные зрелища, общественный транспорт и т. п.). Станут менее популярными любые проекты, связанные с созданием специализированных замкнутых сообществ людей (например, дома и поселки для престарелых). Во время пандемии в них была очень высокая смертность.

Рост спроса на медикаменты, медицинское оборудование, средства индивидуальной защиты, медицинские услуги, исследования и конструкторские разработки в этой области. **Рост расходов на здравоохранение и его инфраструктуру**, создание в нем резервных мощностей (вместо оптимизации). Это очевидный тренд, ясно проявившийся в первой половине 2020 г. **Те же тренды** – в любой другой области, в которой могут проявиться риски глобальных и страновых шоков (прежде всего климатических).

Протекционизм

Пандемия 2020 г. еще раз показала перекосы в международном разделении труда: слишком высокая концентрация производства в азиатских «мастерских мира». Перебои с поставками комплектующих из Китая ставили крупнейшие западные компании «на колени» (так называемый шок поставок (supply shock)). За поставки медицинских масок из Китая конфликтовали государства (известный конфликт между США и Германией). В Чехии неспособность правительства «добыть» маски в Китае подвергалась всеобщей критике; они были доставлены спец-

рейсами военных самолетов благодаря личным связям на «высшем» государственном уровне.

Идеи ребалансирования, возврата производства в узкую группу развитых стран, прежде всего США, активно развиваются с начала 2010-х гг. (как реакция на мировой кризис 2008–2009 гг.). Речь идет о крупнейших дисбалансах в производстве и потреблении, экспорте / импорте, платежных балансах, в международных инвестиционных позициях и, в конечном счете, в силе: рыночной, политической, военной.

Вызов для США и, в целом, для Запада в том, что, не сохраняя производства как базы, перемещая его последовательно в Азию, невозможно сохранять свои позиции как центра исследований и инноваций, как крупнейшего держателя собственности на глобальные активы, в т. ч. интеллектуальные, как мирового центра инвестиций, финансовых и товарных рынков, ценообразования на активы.

Если не возвращать производство, все эти позиции становятся временными, их не защитить в обозримой перспективе.

Прогноз для мира после пандемии, существующего с высокими рисками катастроф:

- рост попыток экономик отдельных стран стать более универсальными, менее зависимыми от международных поставок, «импортозамещение», особенно в части критических технологий, оборудования, средств защиты населения в периоды шоков;
- расширение внутренних материальных резервов (и инфраструктуры их хранения), способных дать возможность «продержаться» во время шоков;
- стимулирование крупнейших компаний «вернуться» в страну (штаб-квартиры, производство, активы,

потоки, менеджмент); подобные программы действуют [COVID-19: Briefing Materials 2020, p. 33];

- поощрение внутреннего спроса на локализованную продукцию;
- усиление протекционизма как ответ на указанные выше вызовы; более интенсивное использование, чем в 1990–2010-е гг., таких инструментов, как тарифные и нетарифные барьеры, манипулируемый валютный курс, кредитные, бюджетные и налоговые преференции (в пользу собственных производителей); расширение двусторонних торговых сделок между странами (снижение значимости многосторонних, нараставших в прошлом); как крайнее средство – торговые и финансовые войны; все это – стандартные действия, имеющие длительную историю применения в международной практике.

Дирижизм

Пандемия 2020 г., подобные ей крупные катастрофы и бедствия – это состояние страны/экономики, максимально близкое к войне.

2020 год показал, что наименьшие потери в пандемии несут страны, применившие как можно раньше максимум ограничений при высокой дисциплине населения и хорошем качестве здравоохранения (Япония, Южная Корея, Китай (с допущениями, относящимися к достоверности статистики), Германия, Австрия, Чехия, Израиль).

Англосаксонская (США, Великобритания) и шведская модели (переболеть, минимум ограничений или введение их с отставанием от событий («рубить собаке хвост по кусочкам»), получить коллективный иммунитет) показали максимум потерь, особенно среди

групп населения, наиболее подверженных рискам.

Эти практики наложились на давно существующий (с середины XIX века) глобальный тренд все большего вмешательства государства в жизнь обществ и их экономик, независимо от того, какие циклически преобладают идеи – дирижизма или либерализма в различных их формах. Признаки такого вмешательства – постоянное расширение сфер ответственности государств (их задачи, функции), опережающий рост потребления, доходов и расходов государств (доля бюджетов в ВВП растет уже два столетия), накопление рекордных государственных долгов (долги государств / ВВП) [Миркин 2019, с. 133].

Вмешательство государств особенно усилилось: 1) с момента IT-революции, появления способности регистрировать, передавать, обрабатывать и анализировать массивы больших данных; 2) после мирового кризиса 2008–2009 гг.

Прогноз для мира после пандемии, в среде, насыщенной рисками крупных катастроф:

- продолжение глобального тренда усиления дирижизма, в более мягких формах (развитые экономики, легче – в англосаксонской модели, очевиднее – в континентальной, в «азиатских тиграх») или в более жестких (Китай, «азиатская модель», латиноамериканская модель, постсоветские экономики и другие развивающиеся страны);
- перерыв длинных циклов «усиление дирижизма – расширение либеральных начал в экономической политике и идеологии» (ими был пронизан весь XX век); до пандемии можно было бы ожидать «взрыва» либерализма в конце 2020-х гг.;
- рост надзора за массовым, экономическим и социальным пове-

дением (видеонаблюдение, регистрация, ограничения движения и доступа, анализ и оценка индивидуального поведения, хранение в базах больших данных с мультимедийным доступом госорганов и, с ограничениями, банков и других категорий лиц, рейтингование социального поведения, де-факто лишение или ограничение прав на медицинскую, банковскую, налоговую и т. п. тайны, тайны расходов); жесткость и объемы надзора – производные от уровня дирижизма в экономике;

- расширение сферы прямой ответственности государства за обеспечение населения – «проще накормить и развлечь, чем дать работу» (сокращение рабочих мест в результате внедрения искусственного интеллекта и «беспилотных» технологий, основанных на нем) и «изолировать/вывести, накормить, спасти» (пандемии, гидрологические и геологические катастрофы и т. п.); соответственно, программы прямых денежных выплат (что в России называют «вертолетными» деньгами), безусловного базового дохода, налоговых стимулов, «бесплатных» государственных услуг; налоговых стимулов; программы косвенных выплат (отсрочки платежей, снижения / замораживания цен и тарифов);
- рост прямого вмешательства государства в экономику (переход части экономики на работу по прямым директивным заданиям и при прямом распределении ресурсов, особенно в периоды бедствий и катастроф (это уже происходило в 2020 г. в части производства медицинского оборудования и средств защиты), политика государства «экономика на аппарате искусственного дыхания»).

Политика государства «экономика на аппарате искусственного дыхания»

«Экономика на аппарате искусственного дыхания» – сильная метафора. Вместе с тем международная практика 2000–2010-х гг. дает возможность теоретического обобщения этого явления.

Экономика на аппарате искусственного дыхания – это рыночная экономика, находящаяся в режиме усиленного дирижистского вмешательства государства (инструментами экономической и финансовой политики), направленного на предотвращение в ней такой цепной реакции системного риска, которая привела бы к возникновению кризиса в масштабе, угрожающем ее жизнеспособности.

С 2008–2009 гг. применяется повсеместно, глобально «акцептована». Активное, «операционное» (не «амбулаторное») вмешательство в экономику для поддержания ее жизнедеятельности с тем, чтобы не допустить выхода ее параметров (динамики, цен, безработицы, устойчивости систем жизнеобеспечения и т. п.) за критические значения и не допустить развития системного риска и ее разрушения (полного или частичного).

Рыночная экономика выходит за пределы саморегулирования в значительно большей степени, чем это происходит в периоды нормы (*business as usual*).

В периоды шоков (кризисов, катастроф, бедствий):

- политика денежного смягчения и низких процентных ставок («залить экономику ликвидностью», количественное смягчение (*quantitative easing* (QE)), чтобы не допустить банковской паники, цепных банкротств банков и других финансовых посредников, пере-

рвов платежей и приостановки платежной системы, восстановить рухнувшие (как правило) финансовые рынки, обеспечить доступность кредита, предотвратить резкий рост ссудного процента, стимулировать (через кредит и финансовые рынки) возобновление роста;

- программы выкупа плохих активов, реприватизации (государство в целях поддержки входит в капиталы системно значимых компаний), адресного прямого денежного кредитования, под льготный процент; налоговых стимулов, бюджетного софинансирования и других бюджетных преференций;
- крупнейшие программы публичных работ, прежде всего в сфере инфраструктуры;
- программы прямой денежной поддержки населения, его расходов (льготная ипотека, программы утилизации автомобилей) и, соответственно, спроса (см. выше);
- резкий рост дефицитов бюджетов и государственного долга, в т. ч. в рамках политики денежного смягчения (выкуп центральными банками облигаций правительства);
- усиление протекционизма (см. выше), дирижизма (цены, предметы массового потребления, инфраструктура), особенно в финансовой сфере (ограничения на снятие денег, хождение наличности, перевод денег за рубеж, принудительная конвертация иностранной валюты в национальную, ограничения на счет капитала, обрушение финансовых рынков в периоды шоков);
- переход к валютным режимам, допускающим более глубокое вмешательство государства в валютный курс (его администрирование), попытки манипулирования

валютным курсом в целях стимулирования выхода из кризиса и, как крайнее средство, валютные войны.

В «мирное время» – все то же самое, но в смягченной форме. Создание более крупных резервов, чем практиковалось в конце прошлого столетия (все тот же эффект «курицы в холодильнике»).

Практика 2009–2020-х гг. показала, что политика «экономики на аппарате искусственного дыхания» стала глобальным трендом.

Экономическая идеология

«Экономика катастроф» как объективная реальность, вызванные ею изменения в экономической и финансовой структурах мира, в политике государств (см. выше) неизбежно ведут к модернизации идеологии, которая опосредует бытие национальных хозяйств.

В этой связи прогнозируются неизбежные изменения в «мэйнстриме» экономических идей:

- все большее признание дирижизма / массивированного вмешательства государства в жизнь бизнеса и коллективное поведение людей признается благом (усиление дирижизма – см. выше); попытка найти новый баланс между политическими и экономическими свободами и необходимостью, между индивидуализмом и коллективизмом (по неволе – сдвиг в сторону последних); идеология «экономики катастроф» как более слабого варианта «военной экономики» / мобилизационной экономики;
- экономическая реальность становится «гибридной», по принципу «и мир, и война»; пример – продолжение глобализации при усилении

протекционизма, торговых войн, финансовых конфликтов (как частность, валютное манипулирование); в этой связи появятся попытки соединить противоположные идеи, найти «золотую середину» – «глобализация продолжается, но при усилении протекционизма/национализма», «либерализация, но при большем дирижизме», «приватизация, но с учетом повышения роли государства в системно значимых компаниях», «мультилатерализм, но с учетом возрастания значения билатерализма», «свободная торговля, многосторонние соглашения при усилении роли двусторонних соглашений», «международное разделение труда, специализация стран, подчиненная экономической эффективности, но с учетом требований национальной безопасности», «свободное движение капиталов, но с ограничениями, вызванными системными рисками», «независимый центральный банк, но в пределах, необходимых для согласования с экономической и финансовой политикой правительства» и т. д.;

- пересмотр концепций «развитой» (всегда более успешной и устойчивой) и «развивающейся» (более рискованной) экономик; причины – такой подход не в состоянии объяснить: 1) катастрофическое поведение части развитых экономик во время пандемии 2020 г. (США, Великобритания, Италия, Испания, Швеция); 2) сверхвысокую волатильность финансовых рынков в 2008–2020 гг. (цены на сырье, золото, курсы валют, курсы ценных бумаг);
- изменится оценка различных моделей экономик; причина – разная степень успешности в ответах на вызовы, рождаемые «экономикой

катастроф»; более критичной станет оценка англосаксонской модели (более высокая степень свободы и склонность к инновациям), шведской модели (перегруженность коллективным в ущерб частному), средиземноморской модели (больше анархичности, хаоса в личном поведении (Италия, Испания), латиноамериканской модели (вертикали, генерирующие ошибки (Бразилия)); эти модели показали себя крайне негативно во время пандемии 2020 г.; и, наоборот, азиатская модель рыночной экономики (Япония, Южная Корея с населением, привыкшим к социальной дистанции, к ношению масок, серьезно воспринявшим угрозу, имевшим собственный опыт эпидемий), континентальная модель (в части «германизированных стран») (Германия, Австрия, Чехия), отобилизованная рыночная полувоенная экономика, готовая стоять за каждого человека (Израиль), полуадминистративная модель Китая (со всеми спорами по статистике) – показали себя успешнее в условиях «пандемической экономики», сдвигающейся к мобилизационной, пронизанной ограничениями «сверху» и требующей максимума дисциплины в коллективном поведении населения;

- идеологическая «революция» в финансовой сфере – признание законности сверхнизкого или даже отрицательного реального ссудного процента; причины – многолетняя, с начала 1980-х гг., тенденция к снижению размеров процента (номинальных и реальных); прямо не связана с «экономикой катастроф», но очень хорошо соотносится с ней и с политикой «экономики на аппарате искусственного дыхания» (грубо говоря, не до до-

ходности, не до приращения капитала – главное, сохранить жизнеспособность систем, в данном случае финансового сектора).

Как следствие, отрицание самой сути финансового посредничества (сбережение и приумножение капиталов клиента, перераспределение их на цели инвестиций под процент как часть прибавочной стоимости). В итоге: 1) превращение финансовых посредников в институты, зарабатывающие на услугах за хранение ликвидности, комиссионных и т. п.; 2) исчезновение рантье, самой способности формировать долгосрочные сбережения под процент в течение жизненного цикла (life-cycle) семьи; 3) реструктурирование пенсионных систем, особенно в части накопительного страхования и индустрии частных пенсионных фондов; 4) смещение инвестиций в зону более высоких рисков (меньше ликвидность, больше доходность (венчур, деривативы, сырье, валюта, акции, драгоценные металлы, хедж-фонды, компании частного капитала (private equity), развивающиеся рынки и др.).

«Экономическая жертва»

Еще одно глубокое изменение в идеологии – неизбежное появление концепции «экономической жертвы». До пандемии 2020 г. экономика как наука обращалась к деятельности людей, достигающей максимума эффективности (качество и продолжительность жизни) при потреблении ограниченных ресурсов. Но сами люди к «ресурсам» не относились. Никогда экономика не рассматривала ситуацию, подобную управлению войсками в войну, когда одной группой населения нужно пожертвовать ради выживания всех – «всеобщего блага».

Пандемия 2020 г. такую ситуацию создала. Цели – коллективный иммунитет (Швеция, Великобритания), восстановление экономики (Россия, снятие ограничений/«локдауна» (lockdown)) в самый разгар пандемии. Возникает сложный баланс «человеческих жертв».

С одной стороны, продолжение карантина – падение экономики (у него есть своя «цена» в человеческих жизнях), гибель людей в результате обострения «обычных» хронических болезней, дефицит помощи им (все ресурсы здравоохранения направлены на борьбу с пандемией).

С другой стороны, снятие карантина, полное или частичное, ведет к всплеску инфекций и у него тоже есть «цена» в человеческих жизнях, особенно людей старшего возраста и хроников (в пандемию 2020 г.).

Пандемия показала, что терпения и резервов на жизнь с «остановленными экономиками» хватает у обществ максимум на 2–3 месяца.

В этой связи идеология «экономики катастроф», как и военной, вынужденно начнет оперировать концепцией «экономической жертвы». Неизбежно возникнут идеи о том, что можно и нужно жертвовать частью населения, группами риска («экономическая жертвенность») ради целого в экстремальных условиях.

«Экономическая жертва» – человек, рассматриваемый как потребляемый ресурс, которым можно жертвовать (повышать риск его смерти) ради сохранения жизнеспособности экономики и, соответственно, общества, в целом. Аналог – мобилизационная экономика / общество во время войны.

В качестве «экономических жертв» неизбежно будут рассматриваться группы людей, имеющих схожие профили риска (по возрасту, по хроническим заболеваниям, по совместному проживанию в одном регионе и т. п.).

Неизбежно будет возникать проблема «оптимизации» (пусть и в самом дурном смысле) – «жертвовать одной группой людей ради других групп».

Неизбежность не устраняет того, что подобные идеи находятся в полном противоречии с обычной этикой, в которой самой высокой ценностью обладает каждая человеческая жизнь. Придется искать компромиссные решения в экономике, обеспечивающие максимум выживания общества как целого, так и групп наибольшего риска в нем.

Новая нормальность – рост волатильности. Развитие или деструкция?

«Экономика страха» / «экономика катастроф» как среда, пронизанная шоками и их ожиданиями, неизбежно должна быть «штормовой», сверхволатильной. На нее будет наложен бум инноваций и рисков, связанных с ними. Ожидается, что он продолжится теми же темпами, что и в конце XX – начале XXI веков.

Как и раньше, будет развиваться многополярная (вместо однополярной) архитектура мира. В Азии, прежде всего в Китае, формируется альтернативный США центр экономической и финансовой силы. Как следствие, будет высоко политическое и военное напряжение.

В итоге мировая экономика и глобальные финансы будут демонстрировать (и накапливать) риски – более высокие, чем в 1980-х – начале 2000-х гг.

Хроническая высокая волатильность, сильные «лекарства», чтобы ей противостоять, экстренное применение политик спасения в чрезвычайных ситуациях / «скорой помощи» – все это черты новой «нормальности». Экономика и финансы любой страны, всего мира испытают глубокие структурные изменения после пандемии 2020 г. Раз-

витие может быть подменено деструкцией, постепенно нарастающим хаосом. На этот вызов еще предстоит ответить – глобально, всем вместе.

Впереди развилка: развитие или хаос, деструкция. Как она будет пройдена – нет ответа. И пока нет позитивных прогнозов, обладающих достаточной степенью убедительности, кроме самых общих предположений, что «человечество и раньше сумело ответить на вызовы, возникавшие перед ним».

Как выйти из «экономики катастроф»

На эти вопросы пока есть только самые общие ответы. Международные институты и сотрудничество. Ослабление своекорыстности государств и крупнейших корпораций. Переключение части средств, тратящихся на вооружение, на исследования и предупреждение рисков, грозящих всему человечеству. Концентрация на эти цели капиталов в новых крупнейших многосторонних финансовых институтах. Приостановка части исследований и технологических разработок, последствия которых могут быть разрушительны при том, что этические принципы в них в полной мере не действуют. Переключение внимания средств массовой информации на глобальные проблемы, на будущие угрозы.

Этот список можно продолжать. Представления о том, что его можно немедленно превратить в реальность, – абсолютный идеализм. И все-таки есть надежда, что (пусть хаотично, пусть во многом иррационально, пусть с великой растратой ресурсов и времени) ответы на глобальные вызовы «экономики катастроф» будут найдены, шаг за шагом – все вместе.

Примеров для этого в истории достаточно.

Список литературы

Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации (2017). СПб.: Климатический центр Росгидромета.

Миркин Я.М. (2019) Глобальные финансы: будущее, вызовы роста (при участии Жуковой Т.В., Комовой А.В., Кудиновой М.М.). М.: Лингва-Ф.

2020 Intergovernmental Panel on Climate Change: Summary for Policymakers (2020) // Climate Change and Land: An IPCC Special Report on Climate Change, Desertification, Land Degradation, Sustainable Land Management, Food Security, and Greenhouse Gas Fluxes in Terrestrial Ecosystems (eds. Shukla P.R., Skea J., Calvo Buendia E., Masson-Delmotte V., Pörtner H.-O., Roberts D.C., Zhai P., Slade R., Connors S., van Diemen R., Ferrat M., Haughey E., Luz S., Neogi S., Pathak M., Petzold J., Portugal Pereira J., Vyas P., Huntley E., Kissick K., Belkacemi M., Malley J.) (in press).

Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World (2020) // Geneva: World Economic Forum. Insight Report. May 2020 // <https://www.weforum.org/reports/post-covid-19-challenges-and-opportunities>, дата обращения 29.06.2020.

COVID-19: Briefing Materials. Global Health and Crisis Response (2020) // McKinsey & Company, June 1, 2020 // <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Risk/Our%20Insights/COVID%2019%20Implications%20for%20business/COVID%2019%20May%2027/COVID-19-Facts-and-Insights-June-1-vF.pdf>, дата обращения 15.06.2020.

Facts + Statistics: Global Catastrophes (2020) // Insurance Information Institute // <https://www.iii.org/fact-statistic/facts-statistics-global-catastrophes>, дата обращения 15.06.2020.

Field C.B., Barros V., Stocker T.F., Qin D., Dokken D.J., Ebi K.L., Mastran-

drea M.D., Mach K.J., Plattner G.-K., Allen S.K., Tignor M., Midgley P.M. (eds.) (2012) Managing the Risks of Extreme Events and Disasters to Advance Climate Change Adaptation. A Special Report of Working Groups I and II of the Intergovernmental Panel on Climate Change, Cambridge: Cambridge University Press, and New York.

Garrett Th.A. (2007) Economic Effects of the 1918 Influenza Pandemic // Federal Reserve Bank of St. Louis. November 2007 // https://www.stlouisfed.org/~media/files/pdfs/community-development/research-reports/pandemic_flu_report.pdf, дата обращения 29.06.2020.

Global Catastrophes Caused USD 56 bln Insured Losses in 2019 (2019) // Swiss Re News Release, December 19, 2019 // <https://www.swissre.com/media/news-releases/nr-20191219-global-catastrophes-estimate.html>, дата обращения 21.06.2020.

Gloor M., Perils C. (2019) Insurance in a World of Climate Extremes, Swiss Re Institute.

How COVID-19 Is Changing the World: A Statistical Perspective (2020) // UNCTAD. Committee for the Coordination of Statistical Activities // <https://unstats.un.org/unsd/ccsa/documents/covid19-report-ccsa.pdf>, дата обращения 21.06.2020.

Melillo J.M., Richmond T. (T.C.), Yohe G.W. (eds.) (2014) Climate Change Impacts in the United States: The Third National Climate Assessment. DOI: 10.7930/J0KW5CXT

Only 13% of UK Working Parents Want to Go Back to 'the Old Normal' // The Guardian, June 28, 2020 // https://www.theguardian.com/world/2020/jun/28/only-13-of-uk-working-parents-want-to-go-back-to-the-old-normal?fbclid=IwAR2cEds2Src_rEB171ntsUIWi-H8EocjWvbP4P9Vx3GGgnT8YmYwz5K-wFHR4, дата обращения 15.06.2020.

Reid J., Templeman L., Allen H. (2020) After Covid: The Next Massive Tail Risk // Deutsche Bank. June 2020 //

https://www.dbresearch.com/servlet/re-web2.ReWEB?rwsite=RPS_EN-PROD&r-wobj=ReDisplay.Start.class&document=PROD000000000509478, дата обращения 21.06.2020.

Susskind D. (2020) How Will the World Be Different after COVID-19 // IMF Finance & Development, June 2020, vol. 57, no 2, pp. 26–29 // [https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-](https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf)

[will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf](https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf), дата обращения 29.06.2020.

The World Remade by COVID-19. Scenarios for Resilient Leaders. 3–5 Years (2020) // Deloitte, April 6, 2020 // <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/COVID-19/Thrive-scenarios-for-resilient-leaders.pdf>, дата обращения 29.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Transformation of the Economic and Financial Structures of the World: the Impact of Growing Shocks of Catastrophes

Yakov M. MIRKIN

DSc in Economics, Professor, Head of International Capital Markets Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: yakov.mirkin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2507-9811

CITATION: Mirkin Ya.M. (2020) Transformation of the Economic and Financial Structures of the World: the Impact of Growing Shocks of Catastrophes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 97–116 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Received: 01.07.2020.

ABSTRACT. *The characteristic of a super-volatile “disaster economy” is given, in which the number of shocks caused by natural and man-made disasters is growing. The factors of creating such an economy at the global level are disclosed. The review of discussions about the future of the world (economy, finance) after the pandemic - 2020 is made. New long-term trends emerging in such an economy and the deep changes associated with them in the economic and financial structures of the world and the West are forecasted. These trends include: the collective*

desire for greater autonomy of households and, accordingly, changes in their demand (growth of stocks, reserves, decrease in demand for rental assets, more desire for personal property, for the acquisition of equipment and technologies that provide autonomy, development of offices at home and the transition to a different life model (to be the most at home – the least in the office and in the public space); the digitalization of households; the increasing individualization of demand for products and services; deagglomeration (living in suburbs or satellite cities); increased mobility; in-

creased demand for goods and services related to the protection of life and health. The global trends in the economic / financial behavior of countries are disclosed in detail: protectionism; government policy to keep “the economy on a respirator”; changes in economic ideology, in its “mainstream”; the inevitable emergence of the concept of “economic sacrifice”; growing volatility of the global economy and global finance. In particular, ahead: the development of the ideology of the “economy of fear”; demonstration of a new balance between collectivism and individualism; revaluation of the models of capitalism existing in different countries; ideological revolution in global finance. The possibilities of an unfavorable scenario in the global economy and a strong challenge that still need to be answered are shown - is development or destruction ahead?

KEY WORDS: global finance, world economy, post-pandemic world, natural disasters, risks, structural changes, economics of disasters

References

- 2020 Intergovernmental Panel on Climate Change: Summary for Policymakers (2020). *Climate Change and Land: An IPCC Special Report on Climate Change, Desertification, Land Degradation, Sustainable Land Management, Food Security, and Greenhouse Gas Fluxes in Terrestrial Ecosystems* (eds. Shukla P.R., Skea J., Calvo Buendia E., Masson-Delmotte V., Pörtner H.-O., Roberts D.C., Zhai P., Slade R., Connors S., van Diemen R., Ferrat M., Haughey E., Luz S., Neogi S., Pathak M., Petzold J., Portugal Pereira J., Vyas P., Huntley E., Kissick K., Belkacemi M., Malley J.) (in press).
- Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World (2020). *Geneva: World Economic Forum*. Insight Report.
- May 2020. Available at: <https://www.weforum.org/reports/post-covid-19-challenges-and-opportunities>, accessed 29.06.2020.
- COVID-19: Briefing Materials. Global Health and Crisis Response (2020). *McKinsey & Company*, June 1, 2020. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Risk/Our%20Insights/COVID%2019%20Implications%20for%20business/COVID%2019%20May%2027/COVID-19-Facts-and-Insights-June-1-vF.pdf>, accessed 15.06.2020.
- Facts + Statistics: Global Catastrophes (2020). *Insurance Information Institute*. Available at: <https://www.iii.org/fact-statistic/facts-statistics-global-catastrophes>, accessed 15.06.2020.
- Field C.B., Barros V., Stocker T.F., Qin D., Dokken D.J., Ebi K.L., Mastrandrea M.D., Mach K.J., Plattner G.-K., Allen S.K., Tignor M., Midgley P.M. (eds.) (2012) *Managing the Risks of Extreme Events and Disasters to Advance Climate Change Adaptation. A Special Report of Working Groups I and II of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, Cambridge: Cambridge University Press, and New York.
- Garrett Th.A. (2007) Economic Effects of the 1918 Influenza Pandemic. *Federal Reserve Bank of St. Louis*. November 2007. Available at: https://www.stlouisfed.org/~media/files/pdfs/community-development/research-reports/pandemic_flu_report.pdf, accessed 29.06.2020.
- Global Catastrophes Caused USD 56 bln Insured Losses in 2019 (2019). *Swiss Re News Release*, December 19, 2019. Available at: <https://www.swissre.com/media/news-releases/nr-20191219-global-catastrophes-estimate.html>, accessed 21.06.2020.
- Gloor M., Perils C. (2019) *Insurance in a World of Climate Extremes*, Swiss Re Institute.
- How COVID-19 Is Changing the World: A Statistical Perspective (2020).

UNCTAD. *Committee for the Coordination of Statistical Activities*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/ccsa/documents/covid19-report-ccsa.pdf>, accessed 21.06.2020.

Melillo J.M., Richmond T. (T.C.), Yohe G.W. (eds.) (2014) *Climate Change Impacts in the United States: The Third National Climate Assessment*. DOI: 10.7930/J0KW5CXT

Mirkin Ya.M. (2019) *Global Finance: Future, Challenges of Growth* (with the participation of Zhukova T.V., Komovoj A.V., Kudinova M.M.), Moscow: Lingua-F (in Russian).

Only 13% of UK Working Parents Want to Go Back to 'the Old Normal'. *The Guardian*, June 28, 2020. Available at: https://www.theguardian.com/world/2020/jun/28/only-13-of-uk-working-parents-want-to-go-back-to-the-old-normal?fbclid=IwAR2cEdS2Src_rEB-171ntsUIWiH8EocjWvbP4P9Vx3GGn-T8YmYwz5KwFHR4, accessed 15.06.2020.

Reid J., Templeman L., Allen H. (2020) *After Covid: The Next Massive Tail Risk*.

Deutsche Bank. June 2020. Available at: https://www.dbresearch.com/servlet/re-web2.ReWEB?rwsite=RPS_EN-PROD&r-wobj=ReDisplay.Start.class&document=PROD000000000509478, accessed 21.06.2020.

Report on Climate Risks in the Russian Federation (2017), Saint Petersburg: Climate Center of Roshydromet (in Russian).

Susskind D. (2020) How Will the World Be Different after COVID-19. *IMF Finance & Development*, June 2020, vol. 57, no 2, pp. 26–29. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf>, accessed 29.06.2020.

The World Remade by COVID-19. Scenarios for Resilient Leaders. 3–5 Years (2020). *Deloitte*, April 6, 2020. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/COVID-19/Thrive-scenarios-for-resilient-leaders.pdf>, accessed 29.06.2020.